

КОНТРАВЕРСИЯ АНАЛИТИКИ И ГЕРМЕНЕВТИКИ: ОСОБЕННОСТИ РЕТРОСПЕКЦИИ

Марюс Повилас Шаулаускас

В этой статье три основных тезиса. *Во-первых*, контраверсия аналитики и герменевтики является продолжением старого спора эмпириков и рационалистов, а современные попытки примирения этих двух основных способов мышления (их реинтерпретации в терминах «постмодернистского» философского дискурса) отсылают нас к кантианскому трансцендентальному проекту. Поэтому, по крайней мере формально, «постмодернистский» дискурс прежде всего является продолжением и повторением западной философии модерна. Значит, развитие аналитики и герменевтики является эпицентром развития философского дискурса, а результат контраверсии аналитики и герменевтики (то есть ослабление полемиического напряжения и поиски нового «постмодернистского» синтеза) является важным для всего философского дискурса XX в. *Во-вторых*, проблема понимания (ПП) — то есть вопрос об адекватном способе познания «человеческого» мира — является основополагающей для герменевтической философии. В свою очередь, опорой для ретроспекции истории аналитической философии в контексте развития биполярного философского дискурса служит проблема демаркации (ПД), то есть вопрос о границе адекватного познания «природного» и «человеческого» мира. Таким образом, ПД является основной заботой аналитической философии, по своим масштабам и значению не уступающей герменевтической проблеме понимания. *В-третьих*, адекватная ретроспектива истории контраверсии аналитики и герменевтики одновременно является исследованием метафилософской проблематики.

Генезис контраверсии аналитики и герменевтики: противостояние рационализма и эмпиризма. Аналитическая и герменевтическая философия оказали существенное влияние на философию XX в. Осмысление смысла и развития философского модерна невозможно без возвращения к противостоянию эмпириков и рационалистов, относящемуся к XVII и XVIII вв., а также без упоминания «коперниканской революции» И. Канта, в результате которой противоборствующие стороны должны были примириться, а их длительный спор окончательно и успешно разрешиться. Точно так же и осмысление вопросов современной западной философии вряд ли возможно без обращения к творческому наследию М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна, которое оказало влияние не только на становление и судьбу герменевтики и аналитики, но и на весь современный философский дискурс.

Традиционно с начала модерна в западной философии преобладают два направления: англосаксонское, ориентированное эмпирически, и континентальное, подчеркивающее рациональность как таковую. Понятия эмпиризма и рационализма, обозначающие эти философские позиции, ясны не до конца. Одним из первых, кто дал определение этим краеугольным понятиям философии Нового времени, был Ф. Бэкон. «Эмпирики, – писал он, – подобно муравью, только собирают и пользуются собранным. Рационалисты, подобно пауку, из себя самих создают ткань».¹

Напомним, что уже Бэкон советовал искать «третий путь», указывая, что нам следует брать пример с пчел, которые не только собирают нектар «из сада и поля», но и каким-то способом старательно перерабатывают собранное. По всей видимости, это расплывчатое определение и по сей день не утратило актуальности. В наши дни, как и ранее, существует множество концепций, которые успешно сочетают обе традиции. Наиболее очевидным примером является кантианский синтез, основной задачей которого провозглашалось преодоление противостояния «островов и материка». Однако какой бы трудной ни казалась задача определить развитие западной философии посредством нескольких обобщений, охватывающих огромное количество самых разнообразных концепций, ретроспективно это не только можно, но и нужно сделать. Конечно, мы понимаем, что обобщение связано с риском упрощения и искажения. В то же время этот риск не должен быть поводом для молчания. Иного способа осмыслить философский дискурс модерна – не как полемическое, хаотичное, многоголосное поле противоречий, а как определенное структурное целое, – пожалуй, просто напросто нет, да и будет ли, неизвестно.

Разнообразие современного философского дискурса и тенденции ко все большей специализации философского исследования, однако, не умаляют существенного влияния двух мыслителей – Хайдеггера и Витгенштейна, влияния, задающего методологическую ось противостояния герменевтики и аналитики и являющегося стимулом их противоречивого развития. Далеко не случайно наследие обоих мыслителей может быть разделено на две части. Первая часть – ранний, строгий логический и метафизический этап, когда воззрения этих мыслителей обозначаются как противоположные. Вторая – поздний, «смягченный» лингвистический-антиметафизический период, когда, напротив, начинает проявляться важное сходство их мировоззрений. В разнообразных списках «постмодернизма» имена этих двух мыслителей всегда упоминаются в связи с этим поздним периодом.

Таким же образом можно разделить и всю историю развития модернистской философии, которую сегодня мы словно повторяем заново. То, что философский модерн проявляется как спор рационалистов и эмпириков, является тривиальной хрестоматийной истиной. Несомненно, как и любое обобщающее высказывание, этот триумф далеко не безупречен.

Сами понятия «рационализм» и «эмпиризм», как и идея о том, что философия модерна представляет собой противостояние этих направлений, которое и преодолела «коперниканская революция» Канта, явля-

ются находкой XVIII в. На самом деле, в начале развития модернистской философии противостояния между этими направлениями не было.

Как уже отмечалось, сначала у авторов XVII и XVIII вв., которые теперь причисляются к школам «эмпиризма» или «рационализма», не было согласованной точки зрения. Эти, на первый взгляд «географические», определения типов философствования с самого начала не были однородны и однозначны: например, Р. Прайс (1723–1791), выросший на Британских островах, где и получил образование, вежливо, но последовательно критиковал эмпиризм своих современников Д. Юма и Ф. Хатчесона (1694–1746).

Тем же, но в более широких масштабах, занималась шотландская школа «здравого смысла» (*common sense*). С другой стороны, и континентальную философию характеризует скорее не «соло» рационализма, а чистое, и именно поэтому столь продуктивное, критическое многоголосье. Например, Спиноза и Лейбниц, хотя и находились под довольно сильным влиянием Декарта (как, кстати сказать, и «эмпирик» Беркли), однако же создавали собственные концепции, резко критикуя слабые стороны картезианства.

В общей сложности и «эмпирики», и «рационалисты» по-своему поняли как задачи философии, так и основные принципы философствования. Кроме того, было бы несправедливо утверждать, что, скажем, «рационалисты» Спиноза и Лейбниц не признавали важности эмпирического опыта, а все «эмпирики», включая и уже упомянутого Бэкона, отрицали автономность рационального мышления.

Итак, в XVII и XVIII вв. двух противоборствующих лагерей, более или менее единодушно исповедывающих противоположные методологические парадигмы, еще не существовало. Диалоговая структура (англосаксонской и континентальной традиций) философии модерна обнаружилась позже, уже во времена Канта. Поэтому представление философского дискурса того времени как двуголосного, а не многоголосного, искажает и упрощает истинное положение вещей — в этом случае очевидно, что совершена ошибка *pars pro toto*, которая, скорее всего, и повлияла на позже сложившуюся принципиальную бифуркацию западной философии. С точки зрения историографии такое понимание оценивается как поздняя, лишь в XIX и XX вв. утвердившаяся, реконструкция философского модерна.²

Продуктивность биполярного определения философского модерна. Однако, несмотря на приведенные аргументы, обобщающее биполярное определение философского модерна в наши дни представляется продуктивным.

Во-первых, дуалистическое понимание полемического напряжения философского дискурса начало распространяться уже в конце XVIII в., а с начала XIX в. стало судьбоносным для дальнейшего развития философии модерна. Даже если применение дихотомического мышления к вопросу о развитии философии искажает реальную ситуацию XVII и XVIII вв., то оно справедливо по отношению к более позднему времени, начиная с XIX в., когда обсуждаемое здесь понимание западной фило-

софии стало общепризнанным и основополагающим для биполяризации философского модернизма. Ведь после работ Канта философские вопросы и ответы свидетельствуют о возможном существовании двух радикально противоположных, конфронтирующих и более или менее опознаваемых образов философствования, которые позже действительно становятся определяющими для философского дискурса. Потому ретроспективная проекция биполярной схемы на самое начало модернистской западной философии позволяет лучше понять ее особенности, проблематику и развитие.

Во-вторых, дуалистическое определение философского дискурса провоцирует вопрос о дальнейшем становлении западной философии. Сегодня, как и во времена Канта, вновь предпринимаются попытки примирения этих двух тенденций. Если история повторится и это перемирие вскоре вновь будет нарушено, то как же тогда будет выглядеть новая поляризация? Как видим, биполярная модель философского модернизма в данном случае эвристически продуктивна.

Спор аналитики и герменевтики, длившийся весь XIX в. и, по крайней мере, большую часть XX в., следует трактовать как продолжение старого спора эмпириков и рационалистов. Примерные временные рамки этой контраверсии были следующие: с середины XVIII в. и вплоть до семидесятых годов XX в.

В тридцатые годы XVIII в. под влиянием работ Ф. Шлейермахера (1768–1834) начинает формироваться так называемая *Историческая школа*, которая стояла у истоков посткантианской истории герменевтики. Ее представляют Леопольд ван Ранке (1795–1886), Иоганн-Густав Дройзен (1808–1884) и Вильгельм Дильтей (1833–1911). Вскоре появились и первые работы представителей научной аналитики – Вильяма Уэвеля (1794–1866), Джона Вильяма Гершеля (1792–1871), а позже и Эмиля Мейерсона (1859–1933), – которые наряду с логическими исследованиями Готлиба Фреге (1848–1925) заложили основы аналитической философии, а тем самым и основы контраверсии аналитики и герменевтики.

В свою очередь, своеобразным аналогом «коперниканской революции» является современная акция «постмодернистского» философствования, набравшая силу только в девяностых годах XX в. Сегодняшняя «революция» еще более фундаментальна, нежели кантианская, поскольку поиск методологической платформы, преодолевающей контраверсию аналитики и герменевтики, происходит посредством коренной реконструкции всей истории философского модернизма и опровержения его основных установок. В то же время метафизический проект Канта разворачивался внутри самого модернистского дискурса, интерпретируя, а не отвергая его основные предпосылки: эпистемологический примат субъективности относительно онтологии, антропоцентризм, гуманизм и т. п.

В наше время происходит активное радикальное переосмысление философского дискурса с привлечением «постмодернистского» языка, обилием цитат и переинтерпретаций. Однако это ничуть не странно: ведь и Канту, как и любому другому «миротворцу», пришлось уделять много внимания не находящим между собой общего языка эмпирикам

и рационалистам. В его крупнейших работах (трех *Критиках*, *Метафизических элементах этики*, *Основах всеобщей морали*, *Введении в метафизику нравственности*, *Метафизических началах учения о праве*) имена эмпириков Бэкона, Локка, Беркли и Юма упомянуты соответственно 1, 7, 2 и 25, а имена рационалистов Декарта, Спинозы, Лейбница и Вольфа – 5, 2, 25 и 9 раз.

В то же время британские эмпирики и рационалисты континента вначале если и упоминали друг друга, то только критикуя (даже если и не в широких масштабах; это было свойственно и более раннему этапу аналитики и герменевтики). Здесь иллюстративна и статистика, демонстрирующая отношения и стилистические различия этих философских традиций. Рационалист Лейбниц (1646–1716) цитирует своих современников Спинозу (1632–1677) и Локка (1632–1704) соответственно 29 и 12 раз, а более молодого Беркли (1685–1753) – всего раз; гораздо ранее ушедших из жизни эмпириков Бэкона (1561–1626) и Гоббса (1588–1679) – всего лишь 3 и 11 раз; в противоположность этому Декарт (1596–1650) упоминается аж 72 раза. Как бы оплачивая той же монетой, епископ Беркли упоминает и Лейбница, и даже Декарта всего раз, а Спинозу, Гоббса и Локка – соответственно 6, 4 и 4 раза. Подобным образом поступает и Локк. Он вообще не упоминает ни Лейбница, ни Спинозу, ни даже Беркли, Декарта – всего два раза, а Гоббса – три.

Итак, если Кант упоминает представителей «обоих» лагерей с одинаковой частотой (рационалисты несколько обгоняют эмпириков – 35:41), то сами они упоминают оппонентов гораздо реже, нежели друг друга. Кроме того, «эмпирики» в отличие от «рационалистов» вообще не склонны часто упоминать имена «своих».

По прошествии двух десятилетий после осуществленного Кантом важного синтеза вновь начала проявляться первоначальная двойственность западной философии. На этот раз она приняла облик контраверсии аналитики и герменевтики, которая в конце XIX и начале XX вв. уже отличалась особой прямолинейностью и даже крикливой враждебностью. Вырвавшись из академий и университетов на страницы журналов и газет, а также на «голубые экраны», эта двойственность стала «самостью» не только философии, но и массовой культуры (напомним спор «физиков и лириков», отозвавшийся громким эхом даже в условиях тоталитарной интеллектуальной стерильности Советской империи).

Оба направления критиковали позиции трансцендентальной философии Канта. С одной стороны, герменевтика, вдохновленная борьбой романтизма с «сухой теорией» (Гёте), была несогласна с панхронистической, антиисторической интерпретацией процесса познания и нивелирующей интерпретацией культуры и истории. В конце концов, она настаивала на том, чтобы единый для всех культур и времен рациональный чистый разум покинул место нейтрального судьи (который, по Канту, вынуждает свидетелей отвечать на им же сформулированные вопросы). На освободившийся престол герменевтика водворяет капризную и точно так же не выносящую противоречий Ее Величество Историю.

С другой стороны, аналитика, последовательно защищая эпистемные идеалы Просвещения и реанимируя лейбницовское аналитическое

понимание арифметики, начала оспаривать необходимость кантовских априорных синтетических суждений в обеспечении достоверности научных истин, основанных на количественном мышлении и счете. Усилиями Фреге, а позже и Рассела синтетическое понимание основ математики – королевы точных наук – постепенно уступает место аналитическому. А несколько позже появился еще один стимул – начавшееся после утверждения теории относительности Эйнштейна успешное применение эллиптической геометрии Римана, которое ставило под сомнение аподиктические постулаты евклидовой геометрии. Этот успех позволил окончательно изгнать синтетическое *a priori* с методологического Олимпа точных наук: как из математики, так и из геометрии.

Итак, аналитика, изгнав синтетические априорные утверждения сначала из математики, а позже и из геометрии, «освободила» научный взгляд от пронизывавшей его трансцендентальной «психологизации» научного знания, или, точнее, от его «человеческого облика». Так была обеспечена автономия научного взгляда по отношению к человеческому миру: после смещения бывшего владыки – чистого, но все еще человеческого, разума – вопреки диктату Истории на трон вззошел Научный Анализ, занятый лишь самим собой, а также континуумом трансчеловеческого пространства и времени, то есть занимающийся лишь «действительностью».

Новое полемическое напряжение в посткантовской философии появляется в силу реконструирования старого спора аналитиков и герменевтов, когда история докантовского философского модерна ретроспективным образом была обращена в арену борьбы двух принципиально противоположных методологических платформ.

Позже, уже после Второй мировой войны, спорщики постепенно начали искать общие точки соприкосновения – в результате оба направления начали сближаться (особенно в восьмидесятых-девяностых годах) и становиться все более похожими. Начиная с семидесятых годов XX в. появляются основные работы таких авторов, как П. Фейерабенд, Ю. Хабермас, П. Рикёр, К.-О. Апель, П. Уинч, Х. Гадамер, ориентирующие герменевтику и аналитику на поиски примирения, своеобразного гегелевского *Aufhebung*. Десятилетием позже поиски новой «коперниканской революции», инициировавшие сближение герменевтики и аналитики, стали программной частью философских исследований. В работах Ж.-Ф. Лиотара, Р. Рорти, П. Рикёра, Ю. Хабермаса, Ж. Деррида, С. Тэйлора и ряда других авторов искомый синтез принял новый облик посткантовского синтеза – облик «постмодернизма».

Нет никаких сомнений, что этот процесс является одним из наиболее важных событий последнего столетия, и он не перестает требовать все новых сил, а также решительного отказа от прежних установок и принятия новых точек зрения. Иллюстративным примером такого рода перемен выступает эволюция взглядов Витгенштейна. Он чуть ли не единственный из философов модерна, кто, пусть и не в одиночку, положил начало двум философским традициям, одна из которых не только отличается от другой, но и отрицает ее. У обеих традиций – многочисленные последователи, которые продолжили полемику и после

того, как «поздний», скептический и «постмодернистский», Витгенштейн отошел от собственного «раннего» радикализма. Сейчас нам остается лишь гадать, постигнет ли (и если да, то когда) новый постмодернистский синтез судьба прежнего, кантианского, синтеза. И ждать, когда в западной философии, принявшей новый, еще невиданный облик, вновь обоснуется ее старый жилец — противостояние «островов и континента», Просвещения и Романтизма.

Итак, значение контраверсии аналитики и герменевтики с точки зрения истории западной философии и ее теперешнего положения оценивается двояко — как диахроническим, так и синхроническим образом.

Синхронический аспект контраверсии аналитики и герменевтики. Этот аспект контраверсии определяет возможность создания топографии западной философии модерна, которая опирается на континентальную и аналитическую методологические ориентации. Распространение аналитической философии и герменевтики (от Европы до Америки, от Британских островов до Новой Зеландии), полярность и/или различие методологических установок и присущих им способов выражения (стилей) и в то же время все более явственное сближение проблематики превращают критический анализ этих двух направлений в обсуждение почти всего философского дискурса западной философии (если только этот анализ действительно полный) и даже, *nolens volens*, в прогнозирование его завтрашнего дня.

Поэтому неудивительно, что универсальность аналитической и герменевтической проблематики, связанная прежде всего с исследованием эпистемологически важных вопросов о природе языка и языковой практике, позволяет считать выявление методологической специфики и полемичности этих направлений удобным способом систематизировать разнообразие современных философских концепций, взяв за ось современной философии *in toto corpore* полярность аналитики и герменевтики.

Если, скажем, марксизм, феноменология, экзистенциализм, психоанализ, философия культуры и другие антропологически ориентированные направления философии склонны признать превосходство антисциентистской герменевтической методологии, то аналитическая научная философия, прагматизм, структурализм, семиотика, а также концепции логики, математики, философии естественного языка и прочие направления, придерживающиеся более «строгого» образа рассуждений, близки к той модели логико-философского анализа, которая сложилась под влиянием аналитической традиции — особенно после того, как в начале XX в. были сформулированы принципы логического анализа языка.

Модернистскую природу обсуждаемой контраверсии выдает ее эпистемологический характер, а полемическое напряжение становится более ясным при сопоставлении существующих методологических установок на основе эпистемологических рассуждений. Поэтому история западной философии, реконструированная на основе этой контраверсии, раскрывает развитие гносеологической, а не онтологической, проблематики — что особенно убедительно показано в работах Хайдеггера, Гадамера, Зигмунда Баумана, Рорти.

Проблема понимания (ПП). Истоки герменевтики, о чем свидетельствует само ее название, восходят к началам западной цивилизации. Хитроумный греческий бог изобретательности и торговли Гермес, занимающий в пантеоне особое место посредника между остальными богами и людьми, заботился о такой передаче таинственного языка богов, чтобы он хотя бы приблизительно мог быть доступен людскому пониманию. За несколько тысячелетий герменевтическая проблематика (связанная с раскрытием несомненно существующего и несомненно важного, но непрозрачного смысла) разворачивалась в правовых, теологических и филологических рассуждениях, по сути не покидая рамок технических, а потому вспомогательных, дисциплин.

Однако с наступлением модерна, когда западную культуру охватила кампания «методологизма», производства, потребления, секуляризации, эгалитаризма и, что особенно важно, интеллектуальной «субъективации» и «децентрализации», философские рассуждения, повлиявшие на эти радикальные перемены, все более сосредоточивались на маргиналиях. На смену тысячелетней традиции теоретического сосуществования онтологии и теологии пришел ориентированный на практику настоящего дуэт эпистемологии и методологии.

Философия все более заботится о своем собственном статусе и возможных применениях собственного образа мышления — методологий, при этом сам философский дискурс становится все разнообразнее, вместе с тем утрачивая панорамное единство и универсальность проблематики. В условиях переизбытка смысла, т. е. все возрастающего числа и разнообразия смысловых производных (идей, теорий, вещей и областей деятельности), и, в конце концов, в условиях их принципиальной теоретической несовместимости герменевтическая проблематика «обхождения со смыслом» окончательно проникла в самое сердце философской проблематики. Вопрос, каким образом и насколько мы в силах понимать/познавать и передавать — переделывать, приспособлять и, таким образом, «овладевать», «присваивать» и использовать — в язык облаченный смысл, становится гораздо более важным, нежели вопрос традиционной метафизики о том, какую реальность открывает то или иное понимание/познание (т. е. вопрос о том, что понятый/познанный смысл говорит о самом бытии).

Главным божеством «постмодернизирующейся» философии постепенно стал, по яркому выражению Стефена Тайлера, «скорее Гермес, нежели Прометей»³. Основной заботой такой философии уже выступает не раскрытие новых смыслов, прометеевским светом и прорывом понимания преодолевающее неизвестность. При схождении лавины несоизмеримых смыслов она скромно довольствуется определением структуры уже существующих производных смыслов, раскрытием их постоянного оборота и, соответственно, самой возможностью такого рода раскрытия (что особенно явно заложено в кантианском трансцендентализме). В условиях избытка смыслов Прометеев огонь не в силах добраться до границ языка, осветить то, что за ним, даже если за границами смысла маячит самим языком созидаемая реальность.

В свою очередь, вся история герменевтики является не чем иным,

как историей формулирования и переформулирования проблемы понимания. Во всех сколько-нибудь известных работах, причисляемых к историографии герменевтики, ПП не только упоминается, но и фиксируется как основной вопрос, который в силу своей специфики и важности диктует тот или иной стиль и направление герменевтических исследований. Уже только поэтому ПП может быть понята как ядро не только герменевтики, но и всей западной философии модерна и, особенно, ее позднего — «постмодернистского» — этапа развития.

Масштабы и универсальность герменевтической проблематики порой заставляют даже расценивать понятия понимания и познания как синонимичные, особенно в проблематических, а не исторических исследованиях — если только, конечно, они не специально противопоставляются (как, скажем, в триаде *Erkennen—Verstehen—Erklären*, заявленной Дройзенем в 1858 г.⁴). Сегодня мы вряд ли можем продолжать считать, что проблема познания-знания, в противоположность проблеме понимания-знания, возникает только там и тогда, где и когда сформулированный Д. Вико принцип *verum et factum convertuntur* (к интерпретации которого герменевтика обращалась довольно часто) еще или уже недействителен, и к познанию следует обращаться, только вступая в сферу не тронутой человеком природы или бытия вообще.

На современном этапе развития спора аналитики и герменевтики (начиная с шестидесятых годов XX в.) становится очевидным, что, например, такие категории теоретической физики, как «Большой взрыв», его «фон», «эфир» и т. д., являлись и являются не только и не столько «данностями» внечеловеческого мира, сколько сущностями, конституированными самим человеческим бытием. Термины точных наук, как и слова разговорного языка, никоим образом не являются пассивными отражениями в ясном, неизменном, изолированном от окружения зеркальном «Сознании». Они созданы познающим и творящим человеком в мире, потому несомненно, что они находятся под влиянием мира «понимающего» — как и статуя, произнесенное слово, история и культура. В контексте такого мышления, исследуемого модернистской философией, неудивительно, что строгое разделение категорий понимания и познания является задачей гораздо более сложной, нежели их синонимическое употребление.

ПП — постоянно присутствующая и эксплицитным образом выраженная тема герменевтики — охватывает ряд вопросов, возникающих при желании разрешить общую проблему структуры понимания (или познания), а также при попытках специфицировать историческое, лингвистическое, повседневное, научное и т. п. познание. Область интереса аналитики, в свою очередь, со временем включила в себя не только исследование логической структуры научного познания, но и вопросы организации научного познания, его функционирования и развития и, что особенно важно с точки зрения полемики аналитики и герменевтики, анализа языковой компетенции. Такое расширение проблематики вызвало включение вопросов герменевтики в поле аналитических исследований. Во второй половине XX в. одна за другой начали появляться работы, исчерпывающим образом освещающие вопрос методологичес-

кой специфики гуманитарных наук, анализирующие познавательную роль языка и историческую – филогенетическую и онтогенетическую – определенность любой когнитивной деятельности.

Важно и то, что становление эксплицитно фиксируемой ПП охватывает развитие философской герменевтики начиная с начала XIX в. и до наших дней, т. е. от Дройзена, Л. Ранке, Ф. Шлейермахера до появления работ Х. Гадамера, Ю. Хабермаса, П. Рикёра и Р. Рорти. Поэтому ход развития ПП довольно легко отличим в общем контексте истории западной философии и связан не столько с традицией старой, дисциплинарной (теологической, юридической, филологической), герменевтики, сколько с формированием и неудержимым развитием историко-философской, социологической и культурологической проблематики. Таким образом, смысловая нагрузка ПП не только раскрывает развитие герменевтики как все более самостоятельного специального философского направления, но, что важно, обращает ретроспективу контраверсии аналитики и герменевтики в исследование изменений смыслового объема ПП.

Проблема демаркации (ПД) как аналитический аналог ПП. Формирование аналитики, или аналитической философии науки и языка, охватывающей разнообразные направления позитивистской и лингвистической философии, едва ли может быть понято, если не принимать во внимание кардинальных интеллектуальных, социальных и культурных перемен общего характера. Эти перемены начались уже в конце XVIII в., а в начале XX в. окончательно модернизировали западную культуру в политическом и социальном, однако не в интересующем нас интеллектуально-философском, смыслах. Например, понятие социального гражданства начинает вытеснять понятие политического гражданства только в начале этого века, тем самым знаменуя период внедрения модели современного национального государства.⁵

С приходом эпохи модерна начали приобретать независимость и физико-математические науки. Этот процесс, начавшийся в XVII в., в XIX в. постепенно приобрел привычный нам облик – научные исследования были институционализированы: они стали объектом государственной опеки и присмотра, делом не столько индивидуальным, сколько коллективным и строго регламентированным. Это произошло вследствие все увеличивающейся специализации социальной, когнитивной, а позже и политической и культурной сфер деятельности, включая и сам философский дискурс. Последний (это, кажется, первым заметил Гегель) стал профессией только после Канта – до того времени философские размышления были доступны всем образованным людям, потому не было нужды в специальном обучении.

Иными словами, происходило своеобразное «отчуждение» точных наук по отношению к философскому дискурсу, который становился все более профессиональным. А это значит – по отношению к антропоцентристской, гуманистической, рационалистической, универсальной и патерналистской философии, «обнаружившей» и сформулировавшей методологические принципы этих наук.

На «восстание неблагодарных детей против любящего и готового их опекать родителя» философский дискурс отозвался так, как это было заведено со времен античности: новыми контраверсиями и, в конечном счете, новыми философскими течениями. Уже *de facto* существующая и набирающая силу автономия точных наук еще в XIX в. получила как позитивную, так и негативную философскую оценку в позитивистском движении и, соответственно, в «философии жизни». Однако наиболее четкое осмысление пришло позже, в начале XX в. Об этом свидетельствует самостоятельность новоявленных в то время школ, а также их подчеркнутая враждебность по отношению ко всем культивируемым «традиционным» философским концепциям или даже по отношению почти ко всей истории западной философии. Наиболее очевидными примерами этого были бы, с одной стороны, «антиметафизическая» кампания аналитики и, с другой стороны, обнаруженное философией экзистенциализма и осужденное «забвение бытия» в традиционной философии.

Итак, становление модернистской аналитики понимается как философское осмысление новой науки (прежде всего математики, геометрии, физики, биологии, а позже и точных наук в целом), не выпускающее из дискурса модернистской философии «мнимую автономную» методологическую проблематику (т. е. вопроса относительно общих принципов новой науки, их отношений с другими известными областями и, что особенно важно, «места» и ценности в культуре, истории, жизни вообще) и опирающееся на принципы этого дискурса. Конечно, это была реакция на изменения, происходящие и в самом философском дискурсе, в том числе и на формирование философской герменевтики и социологии.

Поэтому аналитическая философия XX в. возможна только как преемственность и творческая критическая реинтерпретация логицизма Г. Фреге, конвенционализма А. Пуанкаре, а также сформулированных позитивизмом методологических установок XIX в. Иначе говоря, появление аналитики языка (термин «аналитика языка» понимается нами как аналог «логико-философского анализа языка»⁶) невозможно без аналитики науки, а история аналитики является историей реинтерпретаций фундаментальных принципов последней и, в конечном счете, историей отвержений и коррозии. Сегодня, с появлением постпозитивизма и, особенно, «нравоучительной философии» (*edifying philosophy*) Рорти, понятие «эпистемологического бихевиоризма» уже не выказывает приверженности традиционным принципам аналитической философии. Этим термином, скорее, обозначаются такие «паратеоретические» вещи, как манера изложения, исторические истоки проблематики той или иной концепции, обстоятельства интеллектуального развития и даже образования мыслителя, например, где и в каких условиях он получил образование, кто были его преподаватели, какой теме он посвящал большую часть своих работ и т. д.

Однако с точки зрения контраверсии аналитики и герменевтики моделирование развития аналитической философии намного более проблематично, нежели развертка развития герменевтической философии. В литературе, представляющей историю аналитической философии, т. е.

в фактографии этой истории, нет аналога ПП, сформулированной *explicite*, который мог бы быть приравнен к ней по своему значению. Обнаружение такого аналога само по себе является важной проблемой философской историографии. Он обозначил бы основную, *implicit* подразумеваемую заботу аналитики и тем самым позволил наглядно реконструировать развитие аналитики как ту или иную историю тематизирования и разрешения какого-то одного, основного вопроса.

За основу ретроспективного моделирования истории аналитической философии принимается проблема демаркации (ПД). Она и является основной заботой аналитической философии, по своему значению и масштабам соответствующей проблеме понимания (ПП).

К. Поппер артикулировал *explicite* ПД в работе *Logik der Forschung* (1935), которая на английский язык была переведена только в 1959 г. как *The Logic of Scientific Discovery*. Хотя ПД приняла «стандартный» облик довольно поздно, она как проблема достоверного, или «научного», знания и его отделения от других областей знания, обсуждалась в различных философских теориях еще до появления новой науки. Поэтому в общей сложности ПД как краеугольный вопрос античности не является находкой аналитического подхода. Напротив, ПД, становясь основным вопросом аналитики, раскрывает генетические и проблемные связи с модернистским дискурсом западной метафизики в целом и конкретно — с герменевтикой.

До возникновения модернистского философского дискурса ПД осмыслялась в понятиях философии (которая понималась как область рационального знания), а также в терминах религии, искусства, права или его разграничения. Позже, когда появилось разграничение «философий» духа и природы, ПД постепенно приобрела классический облик противостояния двух видов познания в терминах *Geisteswissenschaften versus Naturwissenschaften*. Понятие «науки о духе» (*Geisteswissenschaften*) впервые было употреблено в качестве немецкого аналога термину «моральная наука» (*Moral Sciences*) Д. С. Милля, когда его *Система логики* в 1863 г. была переведена на немецкий язык.⁷

Кстати, сам Милль, фиксируя существование двух научных подходов, отрицал методологическую специфичность наук о духе, в то время как Дройзен, уверенный, что надлежащее понимание истории станет «гравитационной точкой опоры», позволяющей преодолеть методологическую «хаотичность» гуманитарных наук, в 1858 г. говорил не о двух, а о трех методологически самостоятельных видах «человеческого мышления» — познании, понимании и объяснении, соответствующим религии, наукам о духе и природе:

Nach den Objekten und nach der Natur des menschlichen Denkens sind die drei möglichen wissenschaftlichen Methoden: die (philosophisch oder theologisch) spekulative, die mathematisch-physikalische, die historische. Ihr Wesen ist: zu erkennen, zu erklären, zu verstehen.⁸

Подчеркнем, что дуалистическое понимание эпистемологического процесса было не единственным. Так, например, М. Оакшотт, вторя Дройзену, уже в тридцатых и сороковых годах XX в. — когда казалось,

что господство аналитики бесспорно, особенно на Британских островах, — утверждал наличие трех методологически разных, но равноправных способов познания: философского, исторического и научного.⁹

В свою очередь, в аналитике науки XX в. ПД предстала как проблема разграничения метафизических и научных утверждений. В третьем десятилетии XX в. эта форма ПД, которую первым сформулировал М. Шлик¹⁰ как проблему верификации, не раз подвергалась ревизии. В 1938 г. Г. Рейхенбах, в сущности, опираясь на понятие верификации Шлика, предложил более умеренную, пробабилистскую формулировку ПД¹¹; еще позже, в 1951 г., эту работу продолжил Ричард фон Мизес¹², а через пять лет благодаря статье Р. Карнапа, опубликованной в *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*, она приняла свою «окончательную», наиболее «техническую» форму¹³.

То, что осью контраверсии аналитики и герменевтики стала именно ПД, а не какой-либо иной, обсуждавшийся аналитикой вопрос, было обусловлено следующими особенностями ПД.

Во-первых, несмотря на то что, как говорилось выше, ПД была эксплицирована Поппером, первые обсуждения этой проблемы относятся к тому времени, когда в аналитическом дискурсе господствовали основные установки логического эмпиризма и логического анализа языка (логического атомизма), контраверсии касательно ПД относятся к постпозитивистской стадии развития аналитики. ПД была сформулирована как критика принципа верификации: как более умеренный вариант процедуры верификации, которая замещалась понятием фальсификации. В сущности, история разрешения ПД — это переход от вроде бы само собой разумеющейся предпосылки о необходимости ясного разграничения между точным научным и гадающим ненаучным знанием (эта стадия аналитики была разработана еще до Второй мировой войны Витгенштейном, Карнапом, К. Гемпелем, Э. Нагелем и другими авторами) к не менее радикальному отрицанию этого разграничения (что свойственно послевоенной аналитике, и прежде всего работам П. Фейерабенда и Р. Рорти). Именно этот переход является переломным моментом в истории аналитики XX в. В послевоенной аналитике науки и языка разрушались («деконструировались») основные «догмы» аналитики науки. Поэтому история обсуждения ПД позволяет раскрыть историческое становление аналитической философии — от логического атомизма и логического позитивизма до аналитики языка и смысла.

Во-вторых, ПД является рефлексивным спутником проблемы верификации, сохранившим дух непримиримого противостояния метафизики и научного дискурса, а также *eo ipso* основную предпосылку, что они могут быть разделены и обозначены как особые, но с точки зрения эпистемологии неравные «жанры знания». Анализ и обоснование такого рода разделения — основной ориентир всего аналитического движения. Значит, без сформулированной тем или иным образом ПД «аналитическое» исследование дискурса научного «знания» в принципе невозможно, поскольку его особенность обусловлена существенным отличием от иных действительных и возможных эпистемных практик. В этом смысле ретроспективное обсуждение ПД является не только и

не столько формой исследования исторической формы аналитики, но и исследованием ее основных (конститутивных) установок, направленным на раскрытие специфики аналитической философии *sui generis*.

В-третьих, ПД является аналитической версией осмысления методологической специфики гуманитарных и точных наук, действующей на основе контраверсии аналитики и герменевтики. Поэтому ретроспективный сравнительный анализ ПД и ПП *ipso facto* является способом реконструкции контраверсии аналитики и герменевтики, а тем самым и всей философии модерна.

И в-четвертых, ПД прежде всего является формой апофатической метафилософской рефлексии. Метафилософская рефлексия задает вопрос о том, чем является или не является философский дискурс и каким образом он существует. ПД как раз направлена на то, чтобы установить, чем он не является. Для этого дается точное определение неметафизическому, то есть «научному», кругу вопросов и устанавливаются границы осмысленного философствования. Тем самым метафилософская проблематика становится краеугольным вопросом аналитики, который благодаря аналогичным процессам в герменевтическом дискурсе позволяет осознать возможности сближения и синтеза этих двух течений.

Этих четырех аргументов вполне достаточно, чтобы ПД могла быть признана подходящим принципом критической историко-методологической ретроспекции аналитической философии, а также ее полемики с герменевтикой. Кроме того, таким образом представленная ПД оказывается проблемой достоверности и результативности знания (и понимания), а тем самым и общей формулировкой эпистемологической проблематики вообще. Соответственно, диахроническое изучение ПД и ПП становится объемным разбором гносеологических установок, сформировавшихся в западной философии, и потому естественным образом преодолевает границы историографии контраверсии аналитики и герменевтики: как ПП, так и ПД предстают здесь в качестве определяющих элементов интеллектуальных движений и философских концепций, оказавших влияние на современный образ философского мышления.

Постмодернистский дискурс как преодоление противостояния ПП и ПД. Не столь давно (до семидесятых годов XX в.) бытовало единогласное мнение, что любое успешное обсуждение ПП должно в конце концов принять одну из двух возможных концептуальных форм. Или — с точки зрения аналитической философии — оно должно стать теорией, концентрирующейся на проблематике познания и/или знания, или — с точки зрения философской герменевтики — оно должно стать эпицентром эпистемологической проблематики. Иначе говоря, ПП понимается или как особое производное от универсальной ПД, или напротив, как необходимый для формулировки ПД горизонт, а тем самым и незыблемое основание. Обе эти возможности основываются на предпосылке *tertium non datur*: или ПД должна быть редуцирована к одному из аспектов универсальной ПП, или, напротив, уникальность ПП является профилем универсальной ПД.

Начиная с восьмого десятилетия XX в., в условиях все более укоренившегося «постмодернистского» образа мышления, все чаще выражались сомнения в правомерности этого гамлетовского «или–или», которое расценивалось как в корне неправильное или, по крайней мере, непродуктивное. Осознание нехватки и необходимости универсальной теории, преодолевающей противостояние позиций аналитики и герменевтики, стало своеобразным спутником «постмодернистского дискурса». В общей сложности постполемическое и «постмодернистское» состояние дискурса ПП и ПД является так или иначе артикулированной победой герменевтической позиции, т. е. редукцией уже знакомой ПД к вариации ПП. В этом смысле и в этом контексте постмодернистская философия предстает как форма философской герменевтики конца XX в.

С другой стороны, утверждение, что контраверсия аналитики и герменевтики завершилась, совершенно не верно. Во-первых, в силу панхроничности и рекурсивности самого дискурса западной философии все сформулированные в нем установки являются действенными и потому, строго говоря, полноправными участниками в вопросах, сформулированных *bic et nunc*. Во-вторых, вследствие конститутивного полемического напряжения философского дискурса (эту специфику мы обсудим ниже) у каждого из направлений, доминирующих в определенный период времени, есть свои оппоненты. И в-третьих, парафилософские причины (социальные, политические, культурные), и в первую очередь свойственная всем инерция привычки, традиции и мышления, тоже сыграли свою роль в том, что установки, так или иначе редуцирующие ПП в ПД, выходят на авансцену философского дискурса XX в.

Как бы там ни было, задачи познания и его анализ, сформулированные на основе систематизации результатов полемики ПП и ПД, уже стали важным лейтмотивом современных философских исследований. ПП стала универсальным вопросом о структуре, развитии и смысле языковой, понятийной и социально детерминированной деятельности. Даже те тексты, аналитическая ориентация которых не вызывает сомнений, все чаще обращаются к философемам понимания и интерпретации. В сущности, они уже стали основными категориями не только процесса познания, но и анализа структуры знания.

То, что основой теперешних дискуссий стали исторический подход и *eo ipso* релятивистски ориентированная ПП, а не ПД, отстаивающая «вечные» научные ценности, стимулировало попытки разрушить прежнее противостояние герменевтики и аналитики. С одной стороны, утверждение первенства ПП парадоксальным образом сочетается с действующими правилами позитивистской терапии «псевдофилософских проблем». В этом случае полагают, что императив *tertium non datur* возможно преодолеть и устранить, доказав «случайность» или «необоснованность» его предпосылок. И в то же время, с другой стороны, преодоление этого псевдодуализма отрицается: на основе герменевтической предпосылки историчности утверждается универсальность ПП, то есть производится редукция ПД, и тем самым подтверждается якобы только что разрешенное дуалистическое противоречие герменевтического и аналитического образа мышления.

Кажется, есть надежда, что удачное разрешение универсальным образом истолкованных ПП и ПД возможно благодаря последовательной критической инвентаризации и «археологии» установок, артикулированных в ходе аналитико-герменевтической полемики, — и что это позволит привлечь во внимание исторические, психологические, формальные, семантические, коммуникативные и другие аспекты человеческой познавательной деятельности. Именно в сторону такой ретроспективной критической инвентаризации и ориентирован философский дискурс конца XX в. (эта тенденция проявилась уже в первые послевоенные десятилетия). Наиболее радикальная форма этой инвентаризации — всеобъемлющая «деконструкция» модерна, которая еще до начала историографического радикального «преобразования» заранее «знала», что базовые установки модернистского мышления недостаточным образом обоснованы и потому неустойчивы. Для этой постмодернистской деконструкции характерен тщательный отбор тех вопросов и ответов, историко-этимологический анализ которых свидетельствует (а точнее, иллюстрирует) о хрупкости и бесплодности заключенных в них фундаментальных предпосылок.

В свою очередь, даже не замахиваясь на радикальную деконструкцию, ретроспективным образом реконструированная история контраверсии герменевтики и аналитики оказывается историей перехода от скрытой контраверсии к прямой конвергенции.

Вначале эта контрверсия предстает как косвенная, поскольку, исходя из анализа философии XVII–XVIII вв., в которой еще не были эксплицитно сформулированы ни ПП, ни ПД, ни тем более их противостояние, ретроспективное выделение общей проблематики возможно только как «демаркация», продиктованная самим ретроспективным анализом. Продиктованный принципом историзма упрек в необоснованной «модернизации» и «актуализации», злостном искажении материала философской историографии может быть устранен настолько, насколько признается корректность предпосылок ретроспективного исследования. Вполне вероятно, традиционный («догерменевтически-философский») историзм прав: возможно, проблемы, занимавшие в те времена умы мыслителей, сегодня уже неактуальны и даже непонятны. Однако именно они «несут ответственность» за теперешнее состояние корреляции ПП и ПД и за сопутствующие ей смыслы, а если так, то «модернизация» и «искажение» оправданы существованием «современной перспективы».

Позже в XIX в. начался этап открытой конфронтации, которую дискурс второй половины XX в. обращает в сторону прямой конвергенции. Именно тогда и ПП, и ПД формулируются эксплицитным образом. Если сначала полемика аналитики и герменевтики была радикальным спором, напоминающим столкновение двух монологов, то позже, в процессе становления аналитики все более «постпозитивной», этот спор становился похожим на многоголосие. Движение ПП и ПД к диалогу происходило не только благодаря единогласному признанию языкового характера когнитивной деятельности и ее результатов.

Аналитическая философия и в своих поздних фазах старается сохранить понимание знания (научного *par excellence*) как гомогенного

целого, унаследованное от критического позитивизма Э. Маха и Р. Авенариуса и воплощенное в принципе «научного единства» (Unity of Science). Герменевтика, в свою очередь, никогда не подвергала сомнению гомогенный характер процесса понимания, однако здесь существование альтернативного научного познания принимается как очевидная данность, которая была «деконструирована» в третьем десятилетии XX в. в онтологической герменевтике М. Хайдеггера.

Единообразие познания и знания сохраняется даже в том случае, когда универсальным образом понятий языковой характер когнитивной деятельности принимает две между собой несоизмеримые формы, как будто вновь возвращая прошлую радикальность контраверсии – на этот раз в общее, унифицирующее исследовательское поле, как это уже было сделано Рорти¹⁴. Противостояние ПП и ПД здесь «преодолевается» при помощи обнаружения некой согласованности между этими несоразмерными слоями.

Положение о гомогенном характере познавательной деятельности в качестве гаранта целостности формулировалось с точки зрения совокупности факторов, воздействующих на эту деятельность и в ней участвующих. Языковой характер познавательной деятельности, в свою очередь, обязательно трактуется как следствие и форма коммуникации, интерпретации и исторической обусловленности. А методологический дуализм наук о духе и точных наук, в то время подпитывающий радикальность контраверсии ПП и ПД, здесь смягчается благодаря последовательной контекстуализации каждого эпистемного движения. В обсуждении ПП и ПД путеводной звездой служит постулат о зависимости эпистемологии от исторического, социального, культурного, политического и т. п. контекстов. Логико-философское исследование структуры знания точных наук теряет свою методологическую чистоту, даже если это исследование принимает во внимание историческую игру случайности и необходимости.

Таким образом, статус ПП и ПД оказывается уравниваем: обе проблемы разворачиваются в более широком проблемном контексте, по-разному выражая его содержание. Итак, в конце XX в. движение философского дискурса направлялось историческим подходом, роковой «находкой» романтизма. Ведь основа возникновения и действия различных форм познания, конституирующая области эпистемного, эмоционального и повседневного присутствия и действия в целом, обнаруживается в исторической (прежде всего социальной, политической и культурной) конечности человеческого бытия, то есть в преходящей бытийности «здесь-и-сейчас» – и именно таким образом ограничивающей человеческое сознание и свободу. Анализ как ПП, так и ПД становится универсальной деконструкцией эпистемологической проблематики, осуществляемой с помощью раскрытия наиболее общих предпосылок философии модерна. Таким образом, ПП и ПД близки не только с точки зрения автономности, но и специфики.

Поэтому адекватная, насколько это вообще возможно, теория, занимающаяся проблематикой, сформулированной в ходе истории контраверсии аналитики и герменевтики, должна быть дополнена обсуж-

дением особой *метафилософской* проблематики; иными словами, *необходимо поставить вопрос, на каком основании и как возможна (и возможна ли вообще) всеохватывающая философская критика философской проблематики.*

Примечания

- ¹ Bacon, Francis. *Cogitata et Visa*, 1607. In: *The Works of Francis Bacon*, London, 1905. Цит. по: Бэкон Ф. *Новый Органон*. М., 1938. С. 78.
- ² См. в этой связи: Cottingham, J. *The Rationalists*. Oxford: OUP, 1988; Copleston, F. *A History of Philosophy*. Vol. 4, New York: Image Books, 1963; Woolhouse, R. *The Empiricists*. Oxford: OUP, 1988.
- ³ См.: Tyler, St. *The Unspeakable: Discourse, Dialogue, and Rhetoric in the Postmodern World*. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1987.
- ⁴ См.: Droysen, J.G. *Grundriss der Historik* // Droysen, J.G. *Historik*, 1971.
- ⁵ См. в этой связи: Mann, M. *Nation-States in Europe and Other Continents: Diversifying, Developing, Not Dying* // *Daedalus*, Summer 1993. Vol. 122, № 3. P. 115–140.
- ⁶ См.: Павилёнис Р. И. *Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка*. М., 1983.
- ⁷ См. об этом: Gadamer, H.G. *Wahrheit und Methode: Grundzuge einer philosophischen Hermeneutik*. Tübingen, 1960.
- ⁸ Droysen, J.G. *Historik*, 1971. P. 11.
- ⁹ Oakeshott, M. *On human conduct*. Oxford: Clarendon Press, 1991; Oakeshott, M. *Experience and its Modes*. Cambridge, 1933.
- ¹⁰ Schlick, M. *Gesammelte Aufsätze*. 1926–1936. Hildesheim, G. Olms, 1969.
- ¹¹ Reichenbach, H. *Selected writings*. 1909–1953. Dordrecht, Holland; Boston: D. Reidel Pub. Co., 1978 (2 v.).
- ¹² Mises, R. von. *Positivism, a Study in Human Understanding*. New York, Dover Publications, 1968.
- ¹³ Carnap, R. *Der logische Aufbau der Welt*. Berlin-Schlachtensee, Weltkreis-verlag, 1928.
- ¹⁴ Rorty, R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton UP, 1979; Rorty, R. *Contingency, Irony, and Solidarity*. Cambridge, CUP, 1979.